

ПРОЛОГ

5—10 июня 1967 года произошла война между Израилем с одной стороны и коалицией арабских государств (Египет, Сирия, Иордания, Ирак, Алжир) с другой стороны. В исторические анналы эта война вошла под названием Шестидневной. Победу в войне одержал Израиль, захвативший огромные территории, ранее принадлежавшие некоторым странам коалиции.

Как водится, мировые державы не остались в стороне от войны. В частности, США всячески поддерживали Израиль, а СССР — арабскую коалицию.

10 июня 1967 года — официальная дата окончания Шестидневной войны. На самом же деле война продолжалась — только иными средствами и способами. Теперь вместо военных на передние рубежи вышли дипломаты и секретные службы. Дипломаты добивались, чтобы Израиль вернул захваченные территории. Что касается разведки, спецназа и других секретных служб, то у них в этой войне были свои задачи. Большею частью такие задачи, способы их решения и результаты

никому не известны и по сию пору. То есть на них по-прежнему лежит гриф «совершенно секретно». И когда его снимут, и снимут ли вообще, — сказать не может никто.

В основе повести лежит одна из секретных операций спецназа КГБ. Время ее проведения — 1967 год, то есть почти сразу же после официального завершения Шестидневной войны. Место проведения — территория одной из арабских стран, оккупированная Израилем в ходе войны. О сути операции и ее результатах и пойдет речь в повести.

ГЛАВА 1

Пять человек — трое мужчин и две женщины — с некоторой опаской переступили порог кабинета. К опаске примешивались и другие чувства: удивление, любопытство, даже восторг и восхищение. Никому из пятерых никогда до этого не доводилось бывать в столь высоких кабинетах и, соответственно, общаться со столь значимыми персонами, как хозяин этого кабинета.

При этом нельзя было сказать, что пятеро вошедших были какими-то малоопытными, зелеными юнцами или личностями, что называется, малозначимыми. Наоборот, в своем деле они достигли немалых высот, их имена были на слуху, многие их знали лично или понаслышке, а некоторые даже им завидовали. Двое из вошедших — мужчина и женщина — были операторами-документалистами, снявшими уже не один документальный фильм о советской действительности и отдельных людях-тружениках. Остальные трое — были корреспондентами. Причем все пятеро — профессионалы и признанные мастера своего дела.

Но снимали они фильмы, далекие по своей тематике от высоких правительственных кабинетов и тех людей, которые в этих кабинетах сидели. Героями их фильмов большей частью были простые люди: буровики-нефтяники, комбайнеры, сталевары, спортсмены... Такие герои, да и сама работа всех пятерых вполне устраивали, и ни о чем другом они не мечтали, да и мечтать не желали.

Но в одночасье все изменилось. С какого-то времени все пятеро почувствовали к себе чье-то пристальное, повышенное внимание. И, главное, непонятно было, от кого исходит такое внимание и что тому причиной. Все вроде бы было как обычно, жизнь текла своим привычным чередом со всеми ее обыкновенными радостями, огорчениями, удачами и неудачами, а потому — кому ты нужен, чтобы на тебя кто-то обращал особое внимание? Да и было ли оно на самом деле, такое внимание? Или всем пятерым (а все они жили в одном городе, работали на одной и той же студии и хотя и не близко, но все же друг дружку знали) так только казалось?

Нет, не казалось. Такое не может казаться, когда чей-то пристальный взгляд буквально прожигает тебе спину, — такое, знаете ли, не перепутаешь ни с чем. И не спишешь ни на мнительность, ни на чрезмерную впечатлительность, которая бывает присуща творческим людям, ни на усталость, ни на мимолетное раздражение от житейских неурядиц... А главное, совершенно непонятно, кто

именно буравит тебе спину взглядом. Бывает, обернешься ненароком — а подумать и не на кого. Одни лишь безучастные, скользящие по тебе, а то и мимо тебя взгляды.

* * *

Первым к себе таинственное внимание ощутил корреспондент Никита Снегов. Целую неделю напролет жег его чей-то таинственный, неуловимый взгляд. Когда Никита бывал в помещении, скажем, дома или в студии — ничего подозрительного вроде бы и не чувствовалось. Но стоило ему выйти на улицу... Один раз ему показалось, что он понял, кто именно буравит его спину взглядом. Скажем, вот те два парня, которые стоят на углу и о чем-то между собою беседуют! Точно, они! Кто же еще, как не они! В таком деле ошибиться невозможно! Тем более что, сдастся, он уже замечал их поблизости от себя. Точно, замечал! Вчера или позавчера...

Стараясь выглядеть уверенным, Никита не спеша подошел к двум парням.

— Привет, — нарочито развязным тоном обратился он к молодым людям.

— Привет, — спокойно и даже, как показалось Снегову, равнодушно ответил один из парней.

— Ну, и что вам от меня нужно? — спросил Никита у неизвестных.

— Ничего не нужно, — ответил один из парней. — Ты это о чем?

— Будто не знаешь! — усмехнулся Снегов.

— Не знаю, — спокойно ответил молодой человек.

— И я тоже не знаю, — отозвался его товарищ.

— Неужели? — язвительно усмехнулся Никита. — Тогда для чего же вы днями напролет меня сопровождаете?

— Это как так? — удивленно спросил один из парней.

— А вот так! — Никиту стала одолевать злость. — Шляетесь за мной и шляетесь!.. Кто вы такие?

— А ты? — спокойно поинтересовался один из парней.

— Я — корреспондент! — ответил Снегов. — Видите вон то здание? Это студия. В ней я и работаю!

— Ну и работай на здоровье, — усмехнулся парень. — К нам-то какие у тебя претензии?

— Показалось тебе, корреспондент, — сказал второй парень. — Никто тебя не сопровождает. Не шляется за тобой, как ты выразился. Для чего нам это нужно? Мы обычные мирные студенты. Зачем нам за тобой ходить?

— Тогда почему же я вижу вас рядом с собой вот уже три дня кряду? — мрачно поинтересовался Никита.

— И это тебе показалось, — миролюбиво ответил парень. — Хотя, может, наши пути и пересекались. Ну и что с того? Наверно, от усталости тебе померещилось...

Никита ничего на это не ответил и с мрачным видом отошел от парней. Ведь и в самом деле —

что он мог им доказать? И вообще — для чего он затеял с ними этот дурацкий разговор? Что он собирался доказать этим двум парням-студентам? Ведь может так быть, что ему и вправду померещилось, что за ним следят. От усталости...

Отработав день, Снегов вышел из студии на улицу и первым делом оглянулся по сторонам. Тех двух парней он нигде не обнаружил. Мимо него проходили другие люди — мужчины, женщины, дети. Кто-то скользил по нему равнодушным взглядом, а большинство так и вовсе не обращало на него внимания. Кто-то сидел на ближних скамейках, несколько небольших компаний и парочек стояли на углу улицы и вдоль ограды, отделявшей тротуар от проезжей части. Ну и что с того? Повседневная, знакомая картина... «Померещилось мне...» — подумал Никита.

И все же напряжение его не покидало. Чтобы расслабиться, Снегов по пути завернул в пивной бар. У этого бара не было даже своего названия, на его поблекшей, покосившейся вывеске значилось «Пивной бар», и ничего более, да и внутри никаких особых интерьерных изысков тоже не имелось. И все же Никита этот бар любил и частенько в него заходил. То ли он находил что-то притягательное в неприхотливом интерьере этого заведения, то ли ощущал в его душном полумраке некий особенный уют. Но как бы там ни было, ему здесь было хорошо, оттого он сюда и приходил. Его здесь знали, считали завсегдатаем, и даже присвоили ему прозвище Задумчивый.

— Привет, Задумчивый! — окликнул Никиту бармен за стойкой. — Давненько ты к нам не заглядывал! Что так?

— Да вот, дела... — неопределенно ответил Снегов.

— Оно и понятно, что дела, — согласился бармен, все его звали Яшей. — У всех дела, чтоб им пропасть. А вот я налью тебе свеженького и принесу. Ты подожди...

— Что-то случилось? — спросил Никита.

— Может, случилось, а может, и не случилось, — неопределенно ответил Яша. — Тут с какой стороны посмотреть... Наверно, тебе лучше знать. Ты погоди, я сейчас...

Через две минуты Яша подошел к столику, за которым обосновался Никита. Посетителей в зале почти не было — лишь несколько смутно знакомых Никите завсегдатаев да парочка в углу — парень и девушка. Никто не обращал на Снегова внимания.

— Ну и что такое? — спросил Никита у Яши.

— Да, в общем, ничего особенного, — ответил тот. — А просто интересовались сегодня твоей личностью. Вот я и решил тебе сказать. Мало ли что...

— Кто?

— Их было двое — мужчина и женщина. Молодые, обходительные. Заказали у меня пива. А потом и спрашивают: а как бы нам повидать одного твоего постоянного клиента? Какого, спрашиваю? Ну, они и описали твою внешность. А я-то о своих постоянных клиентах никому ничего не рассказываю! Это мой принцип. Так я им и сказал. А они смеются: да

мы, говорят, ничего плохого ему не сделаем, мы его старые знакомые, здесь мы проездом и желаем, говорят, сделать ему приятный сюрприз. А его, этот сюрприз, здесь, в пивной, устроить куда как проще, чем, допустим, на улице или у него дома... То есть у тебя дома, вот как! Да не знаю я, где он живет, отвечаю я им. А они: нам, говорят, и знать не надо, где он живет, а просто ты нам скажи, какой он человек. Хороший, плохой... Может, он здесь, в пивной, ругается матом или, скажем, водит дружбу с сомнительной компанией. У тебя в пивной встречаются всякие? Я и отвечаю: встречаются, говорю, конечно, разные, но он — не из таких. И описал тебя в самом наилучшем образе! Ну, они вежливо меня поблагодарили, допили пиво, рассчитались и ушли. Вот так.

— И кто же они такие?

— Говорю же, мне они не представлялись. Сказали только, что твои давние знакомые.

— Не они? — кивнул Никита в сторону парня и девушки, которые о чем-то тихо говорили в углу.

— Нет, другие...

— Так, может, они спрашивали не обо мне? Мало ли народу в твоём подвальчике?

— Народу, конечно, немало, но Задумчивым называют только тебя. Они так о тебе и сказали, когда я попросил их уточнить. Такой, говорят, задумчивый... Так кто же еще, если не ты?

— Интересно... — сквозь зубы проговорил Никита. — Ну, я пойду. А тебе спасибо за информацию. И вот тебе еще на чай...

Когда Снегов вышел из пивной, уже темнело. Вслед за ним вышли и те самые парень с девушкой, о чем-то шептавшиеся в углу пивной. Накрапывал дождь. Никита поднял воротник плаща и пошел вдоль по улице. Пройдя десять шагов, он на ходу обернулся. Парень и девушка, не торопясь, шли за ним. Заметив, что Никита обернулся, они остановились, и парень принялся старательно завязывать шнурок на ботинке. Эге-ге, да уж не следят ли за Никитой эти двое? Да что же это в самом деле такое! Или это тоже случайное совпадение?..

Домой Снегов решил не идти, да он и не собирался идти домой. Он намеревался завернуть к своей знакомой Лиде. Тем более что он с нею договорился, что сегодня после работы он к ней зайдет. Лида не была ему ни женой, ни невестой. Они просто встречались, иногда Никита оставался у нее ночевать. К себе на ночь он Лиду пригласить не мог, так как жил с родителями, а Лида жила одна.

Входя во двор дома, в котором жила Лида, Никита еще раз оглянулся. Те самые парень и девушка никуда не делись, они все так же шли следом за ним, но, однако же, во двор дома и в подъезд, где на третьем этаже находилась квартира Лиды, входить не стали, а просто прошли по улице далее, даже не взглянув на Никиту.

«Ну и пускай себе идут! — подумал Снегов. — Мне-то какое дело! Так, случайные попутчики. Случайно встретились в пивной, случайно вме-

сте вышли из пивной, случайно прошли по улице в одном направлении... Все случайно!»

И все же мерзкое, томительное ощущение того, что за ним следят, Никиту не покидало. С этим ощущением он поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру Лиды.

— А что это ты такой мрачный? — спросила молодая женщина, целуя Никиту в щеку. — В кои-то веки пришел к любимой женщине — так радуйся! Нет же — бука буккой. Или что-то случилось?

— Ничего не случилось! — отрывисто произнес Снегов, подошел к окну и чуть отодвинул занавеску.

Окно выходило на улицу. Никита стал смотреть. И увидел: мимо дома по тротуару вновь прошли те самые парень с девушкой. Только — в обратном направлении. Снегов хмыкнул и задернул шторы.

— И все-таки — у тебя что-то случилось! — сказала Лида, внимательно глядя на Никиту. — Возможно даже, что-то скверное. Потому что я никогда тебя не видела таким...

— Может, и случилось, — сказал Никита, помолчал и добавил: — Мне кажется, что за мной следят. Интересуются, так сказать, моей персоной. Выспрашивают обо мне.

— Вот как, — спокойно произнесла Лида, и Никиту невольно удивило такое ее спокойствие. Разве можно подобные вещи воспринимать спокойно? — Вот как... Ну, значит, и мне не показалось...

— Это ты о чем? — глянул Снегов на Лиду.

— О том, что кто-то интересуется твоей персонею, — пояснила молодая женщина. — О чем же еще?

— Я не понимаю...

— Это потому, что я тебе ничего еще не рассказала, — усмехнулась Лида. — А вот если расскажу... Садись и слушай. Вчера ко мне приходил участковый. Расспрашивал о тебе.

— Обо мне?

— Да, о тебе. Кто ты, что ты, какие у нас с тобой отношения, как я могу тебя охарактеризовать... О том же самом он спрашивал и у соседей. Ты что-то натворил? Может, тебя ищут?

— Да что я мог натворить? — Никита даже скривился от такого вопроса. — Это я-то — известный корреспондент-документалист! Натворил бы — мигом вышвырнули бы с работы. Да и искать меня не нужно. Вот он я, весь на виду! Если бы было надо, пришли бы ко мне на работу и взяли бы тепленьким! Те же следят, расспрашивают...

— А тогда в чем же дело? — задумчиво спросила Лида.

— Да откуда же мне знать! — с раздражением ответил Снегов. — Черт знает что такое!..

* * *

Примерно в то же самое время пристальное внимание к своей личности обнаружила и Анастасия Величко. Так же, как и Никита Снегов, она работала на студии, но не корреспондентом, а оператором. Она была единственным оператором-женщи-

ной на студии, и в этом, если разобраться, не было ничего удивительного. Оператор — работа тяжелая, и в первую очередь в физическом плане. Аппаратура для качественной съемки весит немало. А долгое сидение над пленкой, а монтаж, а озвучка!.. Все это отнимало немало сил, да и времени тоже. Поэтому и не шли женщины на такую работу.

И все же Величко свою работу любила и знала в ней толк. Она была неплохим оператором, можно даже сказать — одним из лучших на студии. Несмотря на то что такая работа отнимала у нее уйму сил и времени.

А силы и время Анастасии очень были нужны. У нее была дочь шести лет, а что такое шестилетний ребенок? За ним нужен пригляд, ему нужно внимание, а чтобы дать все это — нужны силы и нужно время. А оставить дочь было не на кого. Был у Анастасии и муж, но что с того толку? Сущая беда, а не муж. Гулена, пьяница, лодырь... Последний год Анастасия даже не жила с ним под одной крышей. Но и не разводилась, хотя очень того хотела, и все потому, что муж не желал никакого развода. Постоянные ссоры с ним, частое выяснение отношений — хотя, казалось бы, что тут было выяснять, все отношения давно были выяснены, — все это также отнимало время, а главное — силы. Когда Анастасия должна была уезжать на какую-то длительную съемку, дочурку приходилось отвозить в соседний городок к матери. Мать, конечно, не отказывалась от внучки, но ведь часто

туда не наездишься. Да и неправильно это — постоянно отдавать ребенка бабушке, какой бы внимательной и заботливой бабушка ни была.

Но свою работу Величко любила и не видела себя ни в каком ином качестве, а только оператором. Вот и поживи такой жизнью, вот и найди силы и время не только для дочери, но даже и для самой себя!

Так вот о чем-то чудом внимании к собственной личности. Нет, никакой слежки за собой и пристального, сверлящего взгляда в спину Анастасия не ощущала. Тут было другое. Однажды ее вызвал к себе директор студии — добрейший и деликатнейший человек Иван Тихонович.

— Тут такое дело, Настасьюшка... кгм... — начал он. — Такая, стало быть, вырисовывается картина... Как ты, вообще-то, живешь?

— Нормально живу, — пожала плечами Анастасия. — А что такое? Может, у вас какие-то претензии к моей работе?

— Упаси и помилуй! — замахал руками Иван Тихонович. — К работе никаких претензий! Даже наоборот... А вот что касается твоей личной жизни... так ты того... кгм...

— А что моя личная жизнь? — удивилась Величко. — Живу как все...

— Да в том-то и дело, дорогая Настасьюшка, в том-то и дело! — воскликнул Иван Тихонович. — Как все... А вот ежели, предположим, усрать тебя в какую-нибудь долгую и дальнюю командировку? Тогда как?

— Надо, так поеду, — ответила Анастасия. — Впервые, что ли?

— Оно, конечно, не впервые, — согласился Иван Тихонович. — А как же дочь?

— А что дочь?

— Ну, я так слышал... кгм... что на мужа ее не оставишь, — почесал у себя за ухом Иван Тихонович. — Я, конечно, сильно извиняюсь, но это так?

— Так, — вынуждена была согласиться женщина.

— А тогда — как же?

— Оставлю у мамы, — усмехнулась Величко. — Не в первый раз...

— Да-да-да... — покивал Иван Тихонович. — У мамы... А с мужем что же? Никак?

— Никак! — жестко ответила Анастасия. — Да вам для чего нужно знать мои отношения с мужем?

— Так ведь оно как, — смущенно ответил Иван Тихонович. — Надо, коль спрашиваю... Я — советский начальник, и семейные дела моих подчиненных в некотором роде моя обязанность. Так велит нам наша социалистическая мораль... да. Чтобы не было ничего такого... Вот я и спрашиваю...

— Тут я разберусь сама! — решительно ответила Анастасия. — А что же, намечается долгая и далекая командировка? И что же будем снимать?

— Ну, я пока не сказал, что намечается командировка, — отвел глаза Иван Тихонович. — И тем более что в нее поедете именно вы. Есть и другие операторы... кгм. И вообще, пока это все под во-

просом. А вы идите, Настасьюшка, идите. И спокойно работайте.

Величко вышла от начальника в недоумении. Интересно знать, для чего он завел с нею такой разговор? И о муже, и о дочери, и о ее готовности отбыть в какую-то таинственную командировку. Никогда прежде таких разговоров Иван Тихонович с ней не заводил. И впрямь интересно.

Тем же вечером недоумение Анастасии усилилось. И усилил его не кто иной, как муж. Анастасия шла в детский садик за дочерью, и тут-то муж ее и повстречал. Перехватил, можно сказать, на полпути.

— Поговорить бы надо, — просительно сказал муж. — По важному вопросу.

— Все наши разговоры давно закончились! — резко ответила Величко. — И важные, и второстепенные — всякие! Так что не о чем нам говорить! Разве только о разводе.

— Ну, я бы так не сказал, — ухмыльнулся муж. — Если подумать, то темы найдутся.

— Например? — переступила с ноги на ногу Анастасия. — Ушел бы с дороги. Я тороплюсь в садик за дочерью.

— Еще есть немного времени, — с каждым словом муж становился все настойчивее, и это Анастасии не нравилось. — Успеешь. Да и не выгонят дочь из садика, даже если ты туда опоздаешь. Сказал же — надо поговорить. На важную тему.

— Это на какую же? — насмешливо спросила женщина.

— Например, о твоём моральном облике, — прищурил глаза муж.

— О чем? — вытаращила глаза Анастасия.

— Позавчера товарищи из серьезной конторы, — муж многозначительно ткнул пальцем куда-то вверх, — затеяли со мной один интересный разговор.

— О моем моральном облике? — иронично поинтересовалась женщина.

— Именно, — подтвердил муж.

— Товарищи оттуда? — Анастасия также указала пальцем вверх.

— Оттуда, — подтвердил муж.

— Что, именно так они тебе и отрекомендовались? — еще с большей иронией спросила Величко.

— Именно так и отрекомендовались, — подтвердил муж. — И даже предъявили документы. Так что все честь по чести... Конечно, они велели мне помалкивать о разговоре, но поскольку речь шла о тебе, а ты моя жена, то...

— Никакая я тебе не жена! — резко ответила Анастасия.

— Ну, после позавчерашнего разговора можно говорить и так, — согласился муж. — Потому что быть мужем сомнительной особы — в этом, знаешь ли, я не вижу смысла. — Он помолчал и продолжил: — А еще — на важной государственной работе, передовик производства, фамилию упоминают в титрах по телевизору... И на тебе — моральный облик!

— Ты бы лучше задумался над своим моральным обликом! — сказала Анастасия.

— А я что? Облик как облик. Во всяком случае, мною товарищи оттуда, — муж опять указал пальцем вверх, — не интересуются. А вот тобой интересуются.

— И о чем же они тебя спрашивали, эти твои товарищи? — хмыкнула Величко. — И почему именно тебя?

— Потому, что я числюсь твоим мужем, — ответил супруг. — А о чем спрашивали? О разном. Например, какова ты в быту и в семейной жизни, не скандалистка ли ты и не стерва, пьешь ли ты водку. О разном спрашивали.

— И зачем же?

— А это ты спросишь у них сама, — ехидным голосом ответил муж. — Когда с ними встретишься. Думаю, что это произойдет очень скоро. Коль уж они меня спрашивали о тебе... А еще в чем-то этаким упрекаешь меня! А сама-то... Да я чище тебя в тысячу раз, понятно тебе?!

— Понятно, — спокойно ответила Анастасия. — Что же тут непонятного?

— А коль так, — сказал муж, — то я согласен на развод. Как говорится, в любой момент времени и в любом месте! Потому что не желаю числиться супругом такой подозрительной особы. Коль уж тобой интересуются в таких инстанциях...

И муж, гордо развернувшись, пошел в противоположную сторону той, куда направлялась

Анастасия. А Величко задумалась. Мог ли муж солгать? Разумеется, мог. Но для чего ему такая ложь? Что он хотел ею добиться? Объявить о своем согласии на развод? Ну, это можно было сделать и проще, не приплетая сюда мифических товарищей из органов. Значит, он говорил правду. Хоть, может, и частичную, но правду. Похоже, что ею, Анастасией, и впрямь интересуются компетентные органы. Да, но что такого она сделала? С какого такого боку она навлекла на себя подозрение?

Ответов на эти вопросы у нее не было. А тут еще припомнился разговор с начальником Иваном Тихоновичем. Неконкретный это был разговор, какой-то общий и размытый... А что, если оба эти факта — разговор с Иваном Тихоновичем и совсем недавний разговор с мужем как-то взаимосвязаны? Что, если и к Ивану Тихоновичу приходили те самые товарищи, что и к мужу, и интересовались ею? Но зачем же? Чем она могла вызвать интерес такой конторы, которую все ее знакомые осторожно и обтекаемо называли «оттуда»?

Как ни размышляла Анастасия, а ответов на свои вопросы она так и не нашла. И в рассеянной задумчивости пошла дальше, в детский садик за дочерью.

ГЛАВА 2

Впрочем, и Величко, и Снегов вскоре узнали, действительно ли кто-то интересуется ими и с какой именно целью. Оказалось, что и Никите не пригрезилось, что за ним следят, и муж Анастасии также по-своему оказался прав.

Как уже говорилось, Величко и Снегов работали в одном и том же учреждении — киностудии. Однажды утром, едва только они успели войти в здание студии, им сообщили, что их требует к себе начальник Иван Тихонович. Причем — срочно, вот буквально-таки сию минуту. Недоуменно пожав плечами, Никита и Анастасия пошли к Ивану Тихоновичу в кабинет.

В кабинете помимо самого Ивана Тихоновича находилась целая компания: два корреспондента этой же студии — Марина Прокопьева и Евгений Генералов, а также оператор Алексей Кудря. Кроме них здесь же присутствовал какой-то незнакомый мужчина средних лет с улыбочивым лицом и, как одновременно показалось и Анастасии, и Никите, с насмешливым взглядом.

— Что ж, все в сборе, — сказал Иван Тихонович, обращаясь к незнакомому мужчине. — Вы

просили пригласить этих товарищей — я пригласил. Мне выйти или можно остаться?

— Ну что вы, Иван Тихонович! — улыбнулся незнакомец и насмешливо сверкнул глазами. — Конечно же, вы можете остаться! У нас к вам — полное доверие. Полнейшее! Вы, так сказать, личность проверенная.

— Конечно, я благодарю, если это и вправду так... кгм... — расшаркался в смущении Иван Тихонович.

— Так, Иван Тихонович, так! — Улыбка незнакомца стала еще шире.

— Тогда позвольте, я представлю вас собравшимся товарищам, — сказал Иван Тихонович.

Все пятеро приглашенных — три корреспондента и два оператора — недоуменно между собой переглянулись. Уж слишком необычным был тон у их начальника Ивана Тихоновича, да и вел он себя не так, как обычно, а как-то по-другому. Казалось, в его тоне и во всем его поведении присутствовала какая-то суетливость, нервозность и неуверенность, а на лице читались смятение и непонимание. Да что же это такое случилось с милейшим Иваном Тихоновичем? И кто этот мужчина с насмешливым взглядом?

— Я сам представляюсь, — коротко ответил незнакомец и по очереди оглядел всех приглашенных. А потом произнес: — Меня зовут Василием Федотовичем. Я — сотрудник Комитета государственной безопасности. Выражаясь вашим стилем, учреждения «оттуда».

Пятеро приглашенных еще раз между собой переглянулись. Мужчина, отрекомендовавшийся пришельцем «оттуда», конечно же, заметил это переглядывание и насмешливо сверкнул глазами.

— Как вы догадываетесь, — сказал он, — собрались все вы здесь — в одном, так сказать, месте и в одно и то же время — не случайно, а по моей просьбе, которую любезнейший Иван Тихонович и выполнил. Предвижу вопросы с вашей стороны. Разумеется, это вопросы законные и справедливые, и потому я охотно на них отвечу.

Сотрудник КГБ встал и подошел к окну. Какое-то время он безмолвно смотрел на дымящиеся трубы далекого завода, который был виден из окна, а затем повернулся к пятерым приглашенным и сказал:

— Безусловно, в какой-то момент вы все почувствовали к себе чье-то пристальное внимание. Будто бы кто-то за вами наблюдает, сверлит вам спину взглядом... Вы все люди творческие, а значит, тонко чувствующие. Ну, так был такой момент?

— Не знаю, как у других, но у меня был, — ответил Евгений Генералов.

— И у меня — тоже, — сказал Никита Снегов.

Остальные трое не сказали ничего, лишь в знак согласия кивнули.

— Между прочим, — сказал Никита, — мне кажется, что я даже вычислил ваших... — он замялся, подбирая подходящее слово. — Ваших наблюдателей.

— Неужели? — глянул на Никиту сотрудник КГБ. — И каким же образом вы их вычислили? Считайте мой вопрос не праздным, а сугубо профессиональным.

— Ну, каким... — пожал плечами Никита. — Уж слишком они мельтешили у меня перед глазами. То одни, то другие.

— О, да! — рассмеялся товарищ из КГБ. — С двумя из них вы едва не устроили драку! Было такое дело?

Снегов на это ничего не сказал, лишь молча развел руками.

— Плохо работаем! — огорченно произнес товарищ из КГБ. — Никуда не годится такая работа! Наблюдатель, как вы выразились, должен быть незаметным. Образно говоря, он обязан сливаться с окружающей его обстановкой. Раствориться в воздухе, прикинуться деревом, урной, афишной тумбой — лишь бы не попасться на глаза тому, за кем он наблюдает! Это, товарищи, азы нашей работы. Вот я задам этим наблюдателям! Повышу, так сказать, их профессиональный уровень.

— Тогда заодно задайте и участковому уполномоченному, — мстительно произнес Никита. — Вломился, как слон в посудную лавку. Что, да кто, да почему... Насколько я понимаю, он тоже действовал по вашему поручению?

— И ему задам тоже! — улыбнулся товарищ из КГБ.

— Может, вы объясните, чем вызван столь пристальный интерес вашего ведомства к нашим персонам? — спросил оператор Алексей Кудря. — Мы — люди скромные, благонадежные, состоим при серьезном деле, а потому и проверенные...

— Охотно объясню, — сказал Василий Федотович. — С тем, собственно, я вас и пригласил. Всех пятерых.

— И почему именно нас? — не унимался Алексей Кудря.

— Потому, что мы остановили выбор именно на вас пятерых, — туманно выразился Василий Федотович. — Ну а коль остановили, то, соответственно, возникла необходимость вас проверить дополнительно.

— И зачем же? — спросила Анастасия Величко.

— Вот об этом мы и поговорим, — произнес Василий Федотович. — Вы, конечно же, знакомы с политической ситуацией в мире?

— Разумеется, — сказал Евгений Генералов.

— И то, что недавно завершилась война между Израилем и коалицией арабских государств, вы также знаете?

— Ну а как же, — за всех ответил Никита Снегов.

— И то, на чьей стороне в этой войне был Советский Союз, а на чьей — наш потенциальный противник, вам также известно?

— Известно, — признался Алексей Кудря. — И новости слушаем, и газеты читаем...

— Ну а о том, что эта война, по сути, не закончилась, а продолжается, но только другими средствами, вы, надеюсь, тоже догадываетесь?

— Мы вообще люди догадливые и сообразительные, — усмехнулся Евгений Генералов. — И между строк читать умеем, и между слов слышать...

— Отлично! — радостным тоном произнес товарищ из КГБ. Похоже было, он именно таких слов и ожидал. — Ну а коль так, то будем говорить напрямую. Да, товарищи, война, которую успели назвать Шестидневной, не закончена. Пушки умолкли, но у нас ведь есть и другое оружие, не так ли?

— Острое слово, — отозвалась до сих пор молчавшая Марина Прокопьева.

— И зоркий глаз кинокамеры! — дополнил Алексей Кудря.

— Именно так! — воскликнул Василий Федотович. — Острое слово и зоркий глаз! То есть теперь на переднем крае борьбы — не солдаты с танками и пушками, а вы — корреспонденты и операторы. Такой вот получается расклад.

Василий Федотович умолк и опять принялся любоваться законными видами индустриального городского пейзажа. Налюбовавшись, он вновь повернулся к пятерым приглашенным и сказал:

— А коль оно так, то необходимо применять это оружие. Разить, так сказать, неприятеля острым, беспощадным словом и с помощью кино-

камеры показывать всю его преступную сущность. Вы со мной согласны?

Пятеро приглашенных, соглашаясь, кивнули.

— А тогда — перехожу к сути дела, — сказал Василий Федотович и указал пальцем вверх. — Там возникла идея снять серию документальных фильмов о тяжелой жизни людей на оккупированных Израилем территориях. Показать, как говорится, всю гнусную сущность оккупантов, потребовать, чтобы они немедленно убирались с оккупированных территорий. Когда фильмы будут готовы, их посмотрят миллионы зрителей. И у нас, и в зарубежных странах. Вот это и будет наше оружие.

— И эти фильмы должны снять мы, — в раздумье проговорила Анастасия Величко.

— Да, — сказал товарищ из КГБ. — Именно вы пятеро. На вас пал выбор как на самых талантливых, благонадежных и правильно понимающих ситуацию товарищей. Разумеется, это дело добровольное. То есть любой из вас вправе отказаться. Разумеется, никакие оргвыводы по тому, кто отказался, делаться не будут. Мы понимаем — у каждого могут быть свои причины и обстоятельства...

— И как вы все это видите? — спросил Евгений Генералов.

— Это вопрос номер два, — ответил Василий Федотович. — А вопрос номер один — ваше принципиальное согласие. При этом сразу же хочу предупредить: дело непростое, и даже, в некоторой степени, опасное. Работать придется на оккупиро-

ванной неприятелем территории. Так что сами понимаете... А потому у меня ко всем вам просьба. Сейчас мы с вами расстанемся, и вы хорошенько подумаете о моем предложении. А завтра мы встретимся вновь, и каждый из вас скажет мне свое решение. Договорились?

— Да, да, договорились, — вразнобой ответили корреспонденты и операторы.

— Вот и отлично! — сказал Василий Федотович. — В таком случае — до завтра. Встретимся в это же самое время и в этом же самом месте. Да, и еще: надеюсь, вы понимаете, что о нашем разговоре никто знать не должен? За исключением, разумеется, милейшего Ивана Тихоновича... — товарищ из КГБ сверкнул насмешливыми глазами в сторону притихшего начальника.

— А нашим близким что говорить? — спросила Анастасия.

— А им скажите так. Предстоит, мол, дальняя и длительная служебная командировка. А какая и куда именно — о том молчок.

— А между собой мы можем обсудить ситуацию? — спросил Никита Снегов.

— Не только можете, но и обязаны, — объявил Василий Федотович. — Как-никак, вы — будущая сплоченная команда. Будете делать одно и то же дело. В непростых условиях, на вражеской территории. Надеюсь, милейший Иван Тихонович не станет вас загружать работой, и вы сможете обменяться между собой мнениями.